

«Над чем работаешь, старик!» — я никогда его не спрашивал. Потому, скорей всего, что уровень общения нашего сложился в годы еще общежитейских кухонных сует — тех, что в городке Моссовета на Яузе помнятся вгиковцам семидесятых. Да и потом, не разводя турусов на колесах, при встречах я чаще подкидывал ему фамилию актера! актрисы! — или отснявшихся в очередном фильме по его сценариям, или же с ним в партнерах побывавших: «Слышь, а вот М. (Л., П., Р...) — скажи...». И, как говорится, порядочно и честно он мне расписывал, в чем М. (Л., П., Р...) слава, сильна или бесподобна. Каюсь, сегодня уж и не знаю, где — в писаниях моих про актеров — мысль моя, а где — заемная. Так что неожиданное — с моей стороны: «Давай поговорим о тебе» встречено им было с легким удивлением.

Валерий Приемыхов:

Культура. — 1993. — год. — с. 12

Все — не зря!

— Если честно, я всегда хотел быть писателем; первый рассказ в «Амурском комсомольце» опубликовал в восьмом классе — про кино, между прочим, про зрителя. В Литературный и поступал сначала... Хотя кино, конечно, ближе казалось. Но все говорили: во ВГИКе конкурс, собеседование, статья критическая, этюд литературный... Во ВГИК я все равно пошел. А в Литературный потом на семинар ходил к Амлинскому...

— А когда ты для себя решил, кем быть, у тебя был любимый фильм?

— «Председатель!» Ну, не «любимый»... Поразил он меня! Название. А, думаю, опять про деревню, а вышел! «Доживем до понедельника» — ну это я уже «сознательным» был.

— Вот видишь, выходим-таки «на биографию», самое время «о доме, о семье...» рассказать. Ты же во ВГИК ведь не мальчишкой пришел!

— Ну, к тому времени я кое-как «осолднел». А до того мне все меньше лет давали — представляешь, мне 18, а дают 16! А то и 15. После театрального меня в ГИТИС в аспирантуру послали, так я на экзамене стою... Гусев, такой специалист по теории познания, как мне сказали, — смотрит на меня... ну, с выражением: «А это что за чуело?!» И вопрос задает. И честность, что ли, во мне какая-то детская сработала — вот так руками разожу и говорю: «Понимаете, я про это все знаю». А он мне: «Такой молодой и такой нахал!» Ну и не получилось из меня аспиранта.

— Слышай, про «штукатураслесаря» из твоей биографии я знал, но про аспирантуру...

— А это меня с Дальнего Востока — как самого умного! — учиться на «марксистско-ленинскую эстетику» направляли...

— Без «партийности», без «общественной работы!»

— Ну, я же «эмпириокритицизм» чуть не на зубок знал,

Белинского всего законспектировал, Канта... Но, если уж «про Канта» честно говорить, то я его где-то странице на сто двадцатой замусолил...

— Как же все-таки насчет «дома» и «семьи»!

— Да нормальная семья была, самая простая: отец железнодорожником работал в лес-промхозе, мать работала, то нет... Мы все больше по городкам жили, по поселкам, в которых медведи чуть ли не по улицам ходили... И друг был у меня, который меня из всяких драк пацанских вытаскивал — он все актером мечтал стать. Ну, я после школы в Казани в Благовещенске токарем работал, на стройках, а потом во Владивосток учиться решил ехать на телемеханику — я, когда справочник для поступающих листал, всегда «театрально-актерские» всякие мимо. И писем артистам никогда не писал, у меня и мысли-то «про это» не возникало... А Вова этот — в Амурском театре была студия народная, чтоб массовке азы чуть-чуть объяснить — пойдем, говорит. А потом на театральный факультет — да мне отец, если б знал, что в артисты податься решил, на дорогу денег бы не дал. Стихотворение прочитал, «Зайца во хмелю» михалковского — весело как-то все было, шутя. На первом ведь курсе твердо знал, что артистом ни за что не буду! Но ведь профессия заработательная какая-то, тщеславная. Нас все в городе знали — первыми же набрали! А потом, с дипломом уже, во Фрунзе поехал, в Русский театр...

— А как ты у Асановой в главной роли появился!

— Как сценарист. Меня в свое время ее фильм «Не болит голова у дятла» поразил буквально. Выходим мы с просмотром, с режиссером, между прочим, который с первым сценарием моим запустился, а он мне: «Тебе фильм понравился?». «Очень», — говорю. «Думаешь, я хуже сниму?!» А в тот год «Советский экран» в своем конкурсе первый раз определял «худший фильм» года. Так вот этого режиссера фильм и был «худшим». Так что я дебютировал сценарием «худшего фильма Советского Союза». Это я сейчас на себя тогдашнего смотрю: «Господи, чего дергался-то!» А тогда ведь первый мой сценарий был! Представляешь: все на тебя смотрят и смеются — сценарист худшего фильма!.. А с Динарой нам в тот год «Никудышную» опять закрыли, ну она и взялась за сценарий «Жена ушла», Марину Влади с Высоцким хотела, они чего-то «не загорелись». Лену Соловей зავвала, а героя не было.

— «Популярного» узнают!

— Ну, с короткой стрижкой и без очков если... Долго так иной раз смотрят. Особенно за востом, «где-то мы с вами встречались, извините...» Спрашиваю обычно: «Холодное лето пятьдесят третьего» смотришь?

В энциклопедическом кинословаре, к печати подписанном 15 ноября 1985-го, место ему нашлось лишь в дополнениях. Хотя... И почти десяток сценариев уже им был написан... — вернее, «автором уже почти десятка поставленных сценариев» он был, «Никудышной» в том числе, «Милого, до-

рогого, любимого, единственного...»; и актером, предперестроечных зрителей буквально поразившим своими, в сущности, «шерифами» — в том же «Милом, дорогим...», «Пацанах», награды МКФ снискавшим. Впереди, правда, еще было освоение им кинорежиссуры, был зек Лузга, почти забывший, что Басаргин он, фронтовой разведки капитан, вот он уж истинно «шериф», после «Холодного лета пятьдесят третьего», так сказать, общепризнанный.

— В большинстве своих ролей я играю главное, чего мне в обыденной жизни недостает, — уверенность. Я уже потерял какие-то годы, но пытаюсь относиться к этому с юмором. Вовсе не обязательно из этого храм какой-то выстраивать, но... Не хочу добавлять поражений, которых у меня и так достаточно много.

— Ты сделал пару фильмов: для тебя — как для «зрителя» — существует «режиссер Приемыхов»!

— Нет. Я могу, конечно, свои фильмы — ну, единством действия, демократичностью персонажей, драматургической достоверностью проработки диалогов «как зритель», объединить, но ведь ты хочешь, чтоб я «режиссера Приемыхова» в какой-то «ряд» поставил? Шукшин! Он для меня был и остается идеалом. Он копал в советском кино в ту сторону, в которую никто в нем не копал. «Он делал кино про провинцию», говорят. Ерунда! Неправда. Да ты сделай хоть десять фильмов про эту «провинцию»: не будет своей особой цивилизации, мироощущения, что в картинах его были.

— Поначалу, будучи, практически, «мальчиком с улицы», ты «зажимался», находясь в кадре с великими актерами!

— Да для меня весь фильм «Жена ушла» кошмаром был! Но... любой актер тебе расскажет, что ч как он будет играть перед тобой в полсотни «гавриков»: один в носу ковыряет, другому вообще и на тебя, и на всех начхать! А во взглядах: «Н-н-у, час ты нам сыгра-а-ешь!» «Пацаны» — для меня жуткая в этом смысле картина была. Нервы — на пределе! В других — там актеры, с которыми мы сегодня и друзья, и приятели, они помогали...

— На кинофестивале в Сан-Ремо твой «Мигранты» год назад отмечены были призом. Чем живешь сегодня!

— Ваньку валяю. Нет, ну чем-то занимаюсь... Вот квартиру свою на 13-м этаже наконец приватизировал — последним в доме. Сейчас у меня сценарии пошли, которые и пять, и десять лет отпихивались. Сборники «избранного» собираю — сценарии, «литературный» — повесть, рассказы. И старые, и кое-чего дописал. А кино? Запустился бы, идея есть, но... Не могу я, как другие, сидеть на рынке где-то с кассетой и фильм собственный продавать — наверное, уметь и это надо, но я вот не умею. Да и не хочу.

— Что, вокруг тебя никакого «штаба»!

— Я из провинции приехал, то вроде в Ленинграде все был — меня почему-то ленинградцем многие считают? Теперь вот в Москве. И там я «варягом» был, и тут мне не «магнитно» — мне бы в городок какой-то тысяч на двадцать. Чтoб двух-, трехэтажные домики, базар местный, клены. А тут... Я в Москве даже гулять никуда не выхожу.

— Я тебя чего-то и в «тусовках» не примечал — «популярного» да «известного»!

— Ну, я ж тебе сказал, что никогда в общественники не лез. Хотя, наверное, на это тоже надо работать, но мне трудно как-то заниматься «этим» специально...

— Это что, рассказываешь в качестве аргумента к соображению: «Не умею жить легко!» Биография, однако, все же получается.

— Понимаешь, одно время думал, что зря «токарями-слесарями» всякими работал, «актерствую» — тоже зря. Годы ушли. А потом вдруг оказалось: все не зря. И все, что я «про жизнь» знаю, все — в роли мои, в сценарии вошло, в фильмах моих есть...

Вместо послесловия. Он, конечно, на свет явился, чтобы кино делать — на этот счет ни у кого сомнений быть не может! Достоин и умно стремится он к контакту со зрителем, без которого кино бессмысленно. Он — профессионал. И дай ему бог всегда пребывать на высоком уровне искусства! Не переходя в искусственность.

Геннадий СУХИН.

Статья написана в 1993 г.

9. 10. 93